

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1

Иностраный капитал в Африке: теории, стратегии, новации

Леонид Леонидович ФИТУНИ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация
E-mail: africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5416-6709

ЦИТИРОВАНИЕ: Фитуни Л.Л. (2020) Иностраный капитал в Африке: теории, стратегии, новации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 6. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1

Статья поступила в редакцию 09.10.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-014-00019 «Санкционное и регулятивное таргетирование национальных элит как инструмент глобального управления и международной конкуренции».

АННОТАЦИЯ. Несмотря на предпринимаемые усилия в рамках национальных стратегий и общеафриканской программы Agenda 2063, иностранные источники по-прежнему обеспечивают большую часть валовых накоплений в странах Африки. Государства континента являются чистыми импортёрами иностранного капитала (ИК) в целом и прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в частности. В статье рассмотрена эволюция стратегий африканских государств в отношении ИК и результаты изменения подходов правительства к практике его привлечения. Цель статьи – дать политико-экономический анализ позиций ИК и оценку его влияния на развитие стран Африки, в первую очередь с точки зрения достижения баланса в их государственной политике между интересами преодоления отсталости и обеспечения эконо-

мического роста, с одной стороны, и изживания сохраняющихся с колониальных времен рудиментов экономической зависимости, с другой. Основное внимание уделено текущему этапу соперничества между американским, китайским и европейским капиталами в Африке. Выделены новые тенденции и сдвиги в географическом и отраслевом распределении ПИИ, установлена эффективность отдачи от инвестирования зарубежного капитала в странах региона. Показано, что создаваемый западным капиталом в результате прямого инвестирования тип сетевых связей в африканских экономиках и обществах и формирование в этих сетях контролируемых узлов управления в стране-реципиенте при прочих равных условиях более эффективен для распространения влияния и достижения конечных результатов охвата, чем китайская модель.

Выявлено воздействие негативных сдвигов в глобальном инвестиционном климате, проистекающих из развязанной Западом тотальной санкционной и торговой войны, серьезно осложняющих условия развития стран Африки. Вызовы пандемии и экономического кризиса 2020 года для стран Африки дополняются побочными эффектами обострения глобальной конфронтации и волюнтаристских действий, игнорирующих международное право и произвольно меняющих устоявшиеся правила международных экономических отношений. Автор приходит к выводу, что перспективы улучшения ситуации для африканских стран сегодня более зависят от возможностей оздоровления глобальной ситуации, чем от усилий национальных правительств по созданию правовых и экономических условий на внутренних рынках приложения капитала. Вместе с тем африканские страны в средне- и долгосрочной перспективе, по-видимому, будут не просто оставаться одновременно привлекательным и сложным объектом приложения ИК, а постепенно обходить по уровню привлекательности многие из современных инвестиционно приоритетных стран и регионов в Европе, Азии и Латинской Америке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ПИИ, прибыльность инвестиций, побочные эффекты, стратегии развития, геополитика, санкции, инвестиционное регулирование

В функционировании африканских экономик иностранный капитал (ИК) исторически играет критически важную роль, нередко относительно бóльшую, чем в других крупных развивающихся

ся регионах [World Bank 2014; Soumaré et al. 2019; Wamboye, Tiruneh 2017]. Он является неотъемлемым и жизненно необходимым компонентом обеспечения нормального хода воспроизводственного цикла в экономиках всех без исключения африканских стран. Те активно привлекают его в интересах своего развития в виде иностранных инвестиций (прямых и косвенных) и в ссудной форме (частные и государственные внешние займы). Приток и отток иностранных финансовых активов и влияние их движения на макроэкономические показатели стран Африки¹ стали в последнее десятилетие темой многочисленных научных публикаций, часть из которых названы в списке литературы в конце данной статьи.

Признавая уместность и пользу подобного вектора исследований, основной целью данной статьи автор избрал политико-экономический аспект анализа роли ИК в развивающихся странах Африки, включая рассмотрение эволюции концептуальных подходов к ИК в африканских стратегиях развития, нахождения баланса между национальными интересами молодых и, как правило, экономически менее развитых стран, с интенциями различных иностранных инвесторов.

Исследование роли и влияния зарубежного ссудного капитала не входит в непосредственные задачи настоящей статьи. Тем не менее автор счел целесообразным в начале работы дать читателю общее видение позиций ИК в Африке в обеих его формах, с тем чтобы в дальнейшем, сконцентрировавшись более глубоко на аспекте прямых иностранных инвестиций (ПИИ), быть в состоянии делать аргументированные выводы общего плана о роли ИК в целом.

¹ В случаях, когда приводимые в статье данные или информация касаются не континента в целом, а только его субсахарской части, в статье дается соответствующая оговорка.

Зависимость от иностранного капитала

Несмотря на предпринимаемые усилия в рамках национальных стратегий и общеафриканской программы *Agenda 2063*, именно иностранные источники в последнее десятилетие стабильно формируют большую часть валовых накоплений в Африке. Внешний компонент общего объема ресурсов финансирования развития, который можно рассматривать как ИК, действующий в типичной африканской стране, складывается из текущих («новых») поступлений ПИИ², портфельных инвестиций, средств, реинвестированных иностранными компаниями внутри национальных экономик, государственных и частных иностранных заимствований и предоставляемой на различных условиях «помощи» развитию, включая официальную (ОПР). Суммарно весь этот объем ресурсов в абсолютном большинстве стран континента намного превышает внутренние накопления. Зависимость от иностранного капитала, таким образом, даже в тех случаях, когда она не выливается в явные формы откровенного внешнего давления или диктата, очевидна.

Текущее сочетание глобального экономического кризиса и пандемии COVID-19 усугубило ситуацию. Резко сократился приток столь необходимых внешних ресурсов развития. Это касается и ПИИ, и портфельных инвестиций, и нового ссудного капитала. В I квартале 2019 г. общий объем накоп-

ленного внешнего долга всех стран Африки достиг 710 млрд долл. Особенно сильно выросла долговая нагрузка в Эфиопии, Замбии, Уганде и Гане. Огромные капиталы ежегодно уходят из стран континента за рубеж в качестве обслуживания долга [World Bank (1) 2020]. То есть еще до глобальной вспышки эпидемии коронавируса в 2020 г. континент оказался на грани очередного кризиса внешней задолженности, который удалось временно купировать чрезвычайными мерами, срочно принятыми институтами глобального управления – G20, G7, МВФ, Всемирным банком и другими, обратившимися к мировому сообществу с призывом ввести меры по облегчению долгового бремени для наиболее бедных стран. В основном такие многосторонние и двусторонние меры действуют (обычно это заморозка выплат по обслуживанию долгов) до конца 2020 г.

Согласно статистике ЮНКТАД, на конец 2019 г. накопленный объем ПИИ в страны Африки составлял 953 996 млн долл. США. Менее чем за 10 лет этот показатель вырос почти на треть (в 2010 г. – 603 657 млн), а по сравнению с началом тысячелетия – более чем в 6 раз (в 2000 г. – 153 062 млн долл.). Однако годовой приток в 2019 г. снизился по сравнению с предшествующим годом почти на 10%. Страны континента и сами становятся экспортерами ПИИ, прежде всего в близлежащие африканские страны, но не только. В 2020 г. накопленные ПИИ всех государств Африки за рубежом достигли 285 498 млн долл., при

2 По действующей методологии ОЭСР, с точки зрения статистического учета (в разрезе «активы/пассивы») исходящие ПИИ страны-инвестора учитываются так: АКТИВЫ = Инвестиции прямых инвесторов страны, представляющей отчетность, в предприятия – реципиенты прямых инвестиций за границей + обратные инвестиции предприятий – реципиентов прямых инвестиций в стране, представляющей отчетность, в их прямого инвестора за границей + инвестиции предприятий-партнеров, находящихся в стране, представляющей отчетность, в компании-партнеры за границей; ПАССИВЫ = Инвестиции прямого инвестора (прямых инвесторов) из-за границы в предприятия – реципиенты прямых инвестиций, расположенные в стране, представляющей отчетность + обратные инвестиции предприятий – реципиентов прямых инвестиций за границей в их прямого инвестора, расположенного в стране, представляющей отчетность + инвестиции предприятий-партнеров из-за границы в предприятия-партнеры, расположенные в стране, представляющей отчетность [ОЭСР 2008, с. 26].

том что в 2000 г. они составляли лишь 39 815 млн [UNCTAD 2020, р. 242].

С точки зрения итогового баланса страны континента оказываются чистыми импортерами ИК в целом и ПИИ в частности. Годовой приток ПИИ в Африку остается на фоне других развивающихся регионов относительно скромным: в 2019 г. – 45 млрд долл., или 2,9% от общемировой цифры [UNCTAD 2020, р. 13]. Однако для самих стран Африки эти объемы экзистенциально значимы. Без них пока невозможно обеспечивать развитие национальных хозяйств, а во многих случаях и поддерживать существующие уровни благосостояния населения.

Как известно, ИК может оказывать как стимулирующее, так и негативное (консервирующее отсталость) влияние на национальные экономики. Применительно к странам Африки многочисленные публикации международных организаций (например, [World Bank 2014; World Bank (2) 2020]) и обширная научная литература [Hansen, Rand 2004; Nyatepe-Coo 1998; Lensink, Morrissey 2006] в качестве главных благотворных последствий привлечения ИК в широком плане, но в особенности ПИИ, отмечают их стимулирующую роль для развития национального производства, возможность получения доступа к технологиям и ноу-хау, приобретения нематериальных бонусов в плане овладения современными, более эффективными методами организации бизнеса, менеджмента, налаживания логистических и иных необходимых процессов и процедур. В конечном итоге решающим представляется сам по себе факт притока в африканскую страну дополнительного объема ресурсов как в материально-вещественной, так и в финансовой форме.

На пике победного шествия глобализации по планете (условно до кризиса 2008–2010 гг.) международные ин-

ституты глобального экономического и финансового управления квалифицировали ПИИ как «ключевой элемент» этого процесса, с «помощью которого формируются прямые, стабильные и долговременные связи между странами», подчеркивая, что, в свою очередь, главная роль в прямых иностранных инвестициях в мире принадлежит многонациональным корпорациям (МНК) [ОЭСР 2008, с. 8].

Позднее, несмотря на утверждение тренда *глокализации* и усиление в годы правления администрации Д. Трампа тенденций к нарушению сложившихся глобальных цепочек стоимости, проявлений декаплинга, экономического и политического унилатерализма, широкого использования репрессивно-санкционных механизмов в отношении экономических конкурентов, понижения институтами глобального финансового управления системообразующей значимости ПИИ на новом, условно «деглобализационном», этапе развития мировой экономики не произошло.

Тем не менее несколько изменились акценты и выделяемые приоритеты. Например, в 2019–2020 гг. МВФ, Всемирный банк, ОЭСР и другие институты стали более активно, чем прежде, призывать страны-реципиенты к обеспечению благоприятных *политических* условий для ПИИ и *удержанию уже осуществленных* инвестиций (и инвесторов) в стране, что должно способствовать общему улучшению возможностей для развития национальных экономик [World Bank 2019].

Такая рекомендация связана с главным слабым звеном при избрании стратегии широкого привлечения ИК в национальную экономику. Сохранение ИК внутри процесса воспроизводства в суверенной стране находится за пределами контроля национального правительства. Оно в любой момент может быть прервано по решению соб-

ственника вне зависимости от планов и стратегий страны-реципиента. Подобное положение дел может считаться в целом справедливым и быть полностью законным с правовой точки зрения, но это отнюдь не значит, что иностранный инвестор станет руководствоваться интересами и насущными нуждами страны-реципиента.

В конечном итоге решение о вложении капитала за рубежом принимается его собственником, исходя из собственных интересов, и по определению предполагает, что инвестор в результате получит отдачу (доход), *перекрывающую* его затраты. Полученную прибыль он может реинвестировать в стране-реципиенте, а может вывести за рубеж. И в том и в другом случае она остается собственностью инвестора. Если вывоз прибыли вкуче с платежами по долгу стабильно превышает приток поступающих средств, то оказывается, что не ИК способствует развитию африканского государства, а последнее содержит иностранных инвесторов. Если же к указанным суммам добавить теневой отток за границу капитала, принадлежащего состоятельным африканцам, немалая часть которых «зарабатывает» эти средства благодаря своим особым связям с ИК в стране, то итоговый баланс становится для национального государства не просто негативным, а болезненно опасным.

Если говорить о формально измеряемых экономических индикаторах, то в субсахарской Африке годовая прибыль на вложенные ПИИ в 2000–2019 гг. была существенно выше среднемировых показателей, медианное значение – почти 10%. Но, несмотря на случающиеся в отдельные годы исключения, в Африке репатрируемая инвесторами доля прибыли исторически остается в среднем намного выше доли реинвестиций. В 2019 г. единственным исключением из этого правила оказалась Кения, в кото-

рой иностранные компании реинвестировали 54% своих прибылей. В остальных странах континента картина была обратной, хотя удельный вес реинвестиций сильно разнился от страны к стране. Например, в Кот-д’Ивуаре он составлял 45%, в Египте – 41, Мали – 33, Нигерии – 26, Руанде – 24, Марокко – 21, Уганде – 16, Сенегале – 10, Нигере – 5% [UNCTAD 2020, p. 32].

Зигзаги оценок и методологии

В отечественной науке радикальная переоценка роли и характера влияния ИК на принимающие национальные экономики произошла в годы перестройки и постсоветской реформации. Со знака минус [Шмелев 1962; Шпирт 1966; Андреасян 1967; Хорбенко 1979] на знак плюс [Шмелев, Попов 1989; Ольсевич 1991; Роцин и др. 1999] сместились оценки и методологические акценты в исследовательском мейнстриме.

Постепенно происходит уход от комплексного, «развитийного» анализа роли ИК в экономиках развивающихся государств и стран с возникающими рынками. Намного меньшее число авторов интересуют соотношение позиций местного и иностранного капитала в национальных хозяйствах и влияние прихода зарубежных компаний на судьбы местного бизнеса и целых отраслей национальной экономики. Фокус внимания сместился в сторону количественных и регуляторных параметров.

Современная российская экономическая литература в целом следует в фарватере мирового мейнстрима и в русле реализуемой с начала 1990-х гг. линии на широкое привлечение ИК в Россию, надежд на благотворное воздействие ПИИ на ускорение экономического роста, диверсификацию хозяйства и технологическую модернизацию на их основе. В научном анализе даже

более явственно, чем на Западе, доминирует массовый поворот от исследования «капитала» как политэкономической сущности и категории в пользу более технических разработок и эконометрического анализа переменных, характеризующих движения ПИИ и финансовых активов, фиксации их объемов и нормативных мер по стимулированию последних [Макарова 2007; Фейгин 2009; Копыток, Ратникова 2017; Маматкулов 2019].

В таком ракурсе есть свои сильные стороны: например, конкретность и относительная точность терминологии, необходимая при количественном анализе (расхождения в методике подсчетов сохраняются, но они на порядок меньше, чем при использовании объективно более размытого оператора «иностранный капитал»). Но при сугубо «технично-экономическом подходе» из поля зрения выпадает ключевое условие получения страной-реципиентом от ПИИ любых преимуществ. Речь о *политической* готовности внешних акторов (не столько самих инвесторов, сколько стоящего за ними государства) вообще способствовать подъему той или иной страны и отдельных производств в ней. Каковы их стратегические планы за ограничителями эконометрических индикаторов? Какими они видят положение и роль страны-реципиента в результате прихода в нее их ПИИ?

Сказанное отнюдь не отрицает полезность серьезного эконометрического анализа ПИИ. По-настоящему глубокие из таких исследований действительно рельефно выявляют связи и степень значимости отдельных факторов, влияющих на приток ПИИ, темпы прироста ВВП и другие показатели (например, открытость экономики, вовлеченность в глобальные цепочки стоимости, квалификация рабочей силы, уровень коррупции в стране, степень демокра-

тизации/авторитарности существующего политического режима) [Кузнецов, Квашнин 2014; Гурова 2019 и др.].

Но и здесь следует оговориться, что обнаружение синхронности движения контролируемых переменных в ту или иную сторону в конечном счете остаются не более чем математической взаимосвязью. В разных обществax она может объясняться абсолютно разными глубинными причинами и приводить к диаметрально противоположным последствиям. Очень часто при анализе подобных выявленных зависимостей между переменными определение, какая из них выступает в роли «причины», а какая «следствия», остается преимущественно результатом и следствием мировоззренческих позиций аналитика.

Кроме того, «непрочисляемый» субъективный момент (вспомним хотя бы сюрпризы угандийского президента Иди Амина, центральноафриканского императора Бокасса, большевика В. Ульянова или «санкционера» Д. Трампа по отношению к иностранному капиталу и собственности) и сомнительная исходная статистика (это реальная проблема для Африки) регулярно переводят значительную часть эконометрической аналитики и прогнозов в категорию «занимательная математика для экономистов».

Но даже если абстрагироваться от всего этого и взглянуть не весь бескрайний массив подобного рода технико-экономических исследований по Африке начиная с 1990-х гг., то оказывается, что выводы и оценки абсолютного большинства авторов топчутся главным образом вокруг анализа прямых связей между ПИИ, экономическим ростом и небольшим кругом других макроэкономических показателей. Казалось бы, если существуют устойчивые зависимости такого рода, претендующие на роль научной законо-

мерности, а не просто «цифровой фотографии» эмпирического кейса, то, принимая во внимание огромное число подобных исследований, проведенных за 30 с лишним лет, они уже должны быть установлены и доказаны, а следовательно, нет нужды из года в год «выявлять» их с использованием нового набора значений переменных и их комбинаций.

Более того, на наш взгляд, недостаточно предоставить собратям по науке или работникам практической сферы список детерминант макроэкономических переменных и величин оценочных коэффициентов. Подобный узкий горизонт анализа не позволяет видеть *Большую картину* и делать холистические выводы, важные для понимания и реализации более общих, судьбоносных целей развития.

Как известно, в философии познания фундаментальный *принцип холизма* предполагает, что «целое есть всегда нечто большее, чем простая сумма его частей». Именно поэтому при анализе таких политэкономических категорий, как «иностранный капитал» (ИК) или «позиции иностранного капитала», неизбежно исследуется новое, более сложное явление и качество, чем при рассмотрении по отдельности или в механистической сумме его технических «счетных» компонентов: притока и оттока ПИИ за определенный период или накопленных остатков ПИИ на конкретную дату, их долевое отношение к ВВП или регрессионные зависимости.

Несмотря на описанную выше тенденцию к «технократизации» анализа экономической проблематики, связанной с иностранным капиталом, тема ИК в развивающихся странах и странах с переходной экономикой остается в конечном итоге вопросом политическим, потому что затрагивает интересы влиятельных социальных групп, судь-

бы развития стран и народов, а в конечном итоге выходит на международные отношения.

Заметим, что в наши дни отмеченную подобную политизацию проблематики ПИИ, в особенности по вопросу о принадлежности капитала и его влияния на выбор стратегий развития и ориентацию страны, активно педалируют именно страны Запада, которые еще не так давно упорно доказывали, что национальная идентичность собственника – вопрос второстепенный, и не стоит бояться иностранного инвестора. Это особенно ярко подтверждает пример реакции на рост китайских ПИИ на континенте, но не в меньшей мере это распространяется и на куда более скромную инвестиционную активность российского, индийского, иранского, турецкого и некоторых арабских капиталов в Африке.

Сами сугубо «свободнорыночные» США и страны ЕС бдительно следят за иностранными ПИИ в свою экономику, просчитывая опасность возникновения неприемлемого уровня зависимости от других государств. Чтобы минимизировать реальные или предрекаемые угрозы, исходящие от подобных иностранных инвестиций и проектов (например, в области энергетики или сетей 5G), они не гнушаются внеэкономическими средствами противодействия (санкциями, запретами), а иногда и силовыми угрозами.

Все это говорит о том, что проблематика ИК, несмотря на стремление свести ее лишь к идейно нейтральным количественным замерам и к изяществу эконометрических построений, в конечном итоге упорно выходит на политический вопрос угроз внешней зависимости даже для ведущих мировых держав. Для африканских стран, с исторической точки зрения совсем еще недавно обретших политическую независимость и право на самостоятель-

ное развитие, это вопрос фундаментальной значимости. Ведь у них проблема экономической независимости и суверенитета пока до конца не решена.

Африканская специфика

По приблизительной оценке автора, предприятиями, контролируемые иностранным капиталом прямо или косвенно, через систему участия, в настоящее время формируется порядка 65–68% ВВП Африки южнее Сахары (без учета вклада традиционного сектора экономики). Тому есть свои исторические причины. Африканские страны сравнительно молоды. В современных границах как независимые государства абсолютное большинство из них существуют около 60 лет, а многие существенно меньше.

Современный сектор их экономик по большей части сформировался в XX в. и почти на 100% за счет иностранного капитала, в основном из бывшей метрополии. В этом уникальность роли и положения иностранного капитала на континенте. Даже на севере континента национальный капитал исторически был представлен в основном торговой буржуазией. Сельское хозяйство там строилось на отношениях феодального типа, а редкие промышленные производства принадлежали в основном иностранцам. В субсахарской же Африке и вовсе – все современные (не относящиеся к традиционному сектору) отрасли производства были созданы и принадлежали колонизаторам.

Превалирующей и ключевой характеристикой принадлежащих ИК производств и отраслей был их анклавный характер. В большинстве своем они работали на внешний рынок, прежде всего на удовлетворение потребностей колониальных метрополий и их жителей.

Это привело к тому, что к моменту получения независимости, за исключением крайнего юга и севера континента, практически весь современный сектор экономики Африки принадлежал иностранному капиталу и, строго говоря, им же и являлся.

Как следствие, в первые постколониальные годы, несмотря на номинальный суверенитет африканских стран, ИК сохранял доминирующие позиции и однозначно господствовал в наиболее прибыльных секторах экономики и экспортных производствах, являвшихся основным источником пополнения доходов национальных бюджетов. Подавляющая часть прибыли, как и прежде, вывозилась в метрополии.

Структура национальной принадлежности иностранного капитала и его географическое распределение по независимым государствам континента в целом повторяла очертания прежних колониальных империй: в независимых англоговорящих странах едва ли не абсолютно доминировал британский капитал, во франкофонных – французский. Несмотря на то, что проникновение американских компаний на африканский континент после окончания Второй мировой войны усилилось (прежде всего в добычу нефти, цветных металлов и фосфатов), позиции капитала США существенно уступали бывшим метрополиям вплоть до начала 1980-х гг. У «неколониальных» европейских держав они, как правило, были еще слабее.

Эволюция стратегий

Возврат национальных богатств африканцам был главным политическим лозунгом деколонизации. Без перевода под национальный контроль главных рычагов управления экономикой, переориентации деятельности ключевых производств на работу в интересах

развития и улучшения условий жизни населения цели деколонизации превращались в фикцию. Поэтому уже с первых лет после избавления от колониального ига все освободившиеся страны Африки, вне зависимости от избранной внешнеполитической и идейной ориентации, начали наступление на ИК – где-то радикальное, с широкой национализацией (Гана) или африканизацией (Нигерия), где-то более сдержанное (БСК, Сенегал, Кения), но и там и там вылившееся в существенное ослабление позиций иностранных собственников.

Прокатившиеся по Африке в 1960–1970-е гг. волны национализации иностранной собственности, африканизации (со страновыми нюансами – «нигеризацией», «ганаизацией» и т. д.) и «опоры на собственные силы» через десяток лет выявили слабые места стратегии выдавливания ИК. Стали очевидными невозможность обеспечить необходимый для продвижения вперед уровень накоплений, усугубление технико-экономической отсталости из-за сужения каналов трансферта новых технологий, обострение проблем занятости; снижение доходов населения и сокращение поступлений в национальные бюджеты, поскольку образованные на месте иностранных компаний госпредприятия из доноров бюджета быстро превращались в получателей госсубсидий и т. п.

Все это привело к пересмотру прежних взглядов и к готовности поступиться частью новоприобретенного суверенитета в обмен на расширение участия ИК в эксплуатации и создании национального богатства африканских стран.

В итоге за шесть с небольшим десятилетий независимого развития отношение к ИК в стратегиях развития африканских стран претерпело сложную эволюцию: от динамичных порывов в сторону «избавления от засилья ино-

странного капитала» к длительному, более чем тридцатилетнему, кружению на месте и хождению в нерешительности по циклическим траекториям, с тем, чтобы вдруг через десяток-другой лет поспешно броситься в сторону попятного движения – заманивания зарубежных инвесторов и создания для них сверхблагоприятных условий, лишь бы те вернулись назад.

Примерно со времени окончания холодной войны и исчезновения мировой системы социализма африканские страны (синхронно по времени с упоминавшимся аналогичным процессом в СССР) сильно умеряют критику ИК и провозглашают новый «выбор». На этот раз в пользу экономической либерализации. США предлагают расширение сотрудничества с ними на базе так называемого Вашингтонского консенсуса, предполагавшего, в частности, раскрытие дверей для притока ИК и вывода прибылей за рубеж. Также требовалось провести снижение торговых барьеров и «раскрепостить» рынки капитала.

Подобные реформы в Африке зачастую встречали сопротивление местных правительств, но все равно в конечном счете продавливались через продиктованные МВФ условия программ структурной адаптации (*structural adjustment programs, SAP*). По своему экономическому содержанию последние представляли собой принятие африканским государством пакетного обязательства по осуществлению предписанной МВФ экономической политики и законодательных изменений в обмен на получение доступа к иностранному ссудному капиталу. На деле это привело к стремительному нарастанию внешней задолженности и поставило страны континента на грань долгового кризиса.

В результате Парижский клуб кредиторов вынужден был в самом конце

XX в. пойти на существенное списание внешнего долга для наименее бедных, в основном африканских, стран. Россия, которой в обмен, вроде бы, пообещали, подобно Польше, «скостить» часть ее долга перед Западом, вслед за странами G7 и бывшими колониальными метрополиями присоединилась к Кельнской долговой инициативе Б. Клинтона 1999 г., во исполнение которой Москва в конечном итоге списала своим африканским должникам около 20 млрд долл. долга. [Абрамова, Фитуни 2019]. Правда, ожидавшегося ответного шага по списанию в обмен части ее собственной задолженности Западу не последовало. Долг был ею выплачен в полном объеме в нулевые годы.

В редких случаях, когда африканские страны отказывались от принятия программ SAP, открытое давление со стороны правительства США, финансовых рынков, МВФ и Всемирного банка, а также доминирование в мире неолиберальных экономических идей в конечном итоге заставляли правительства все равно менять политику в отношении ИК на более либеральную [Lancaster, Van de Walle 2018]. Сегодня в мировой африканистике доминирует мнение, что стимулы к либерализации режимов движения капитала в Африке в 1990-е и начале нулевых годов происходили в большей степени извне, чем изнутри [Brooks, Kurtz 2007; Mukherjee, Singer 2010; Quinn, Toyoda 2007].

Ныне в Африке, как, впрочем, и в нашей стране, преобладает довольно прямолинейный подход в отношении ИК, который в самом общем виде можно сформулировать как «чем больше, тем лучше» и «иностранных вложений много не бывает». Если речь не идет о стратегически важных объектах и производствах, то вопросы страны происхождения капитала и конечного собственника активов отходят на второй план.

С другой стороны, под влиянием политики США второй половины 2010-х гг. и тотальной санкционной войны Вашингтона против всех вопросов принадлежности ИК постепенно опять начинает обретать значимость, в т. ч. для африканских стран. Инвестиции и капиталы некоторых государств, рассматривающихся Белым домом как враждебные, становятся токсичными. Принятая в декабре 2018 г. новая стратегия США в Африке объявляет воспрепятствование «экспансии» Пекина и Москвы на континенте в качестве главной цели африканской политики Вашингтона (подробнее см. [Фитуни 2019]). Как следствие, усиление инвестиционного сотрудничества африканской страны с РФ или КНР подспудно повышает для нее риски ухудшения отношений с США, в т. ч. в вопросах получения помощи развитию, а для ее лидеров заодно потенциально порождает «угрозы субъективного характера».

В этих условиях в мировой аналитике и околонучной публицистике резко увеличилось число статей о «грабительском характере» китайской экспансии в Африку, о «засилье» китайского капитала на континенте и губительном характере «китайского неокOLONIALИЗМА». Впрочем, по крайней мере, пока, эта риторика мало отразилась на практической политике развивающихся стран Африки в отношении китайских инвестиций и шире – двухсторонних экономических связей. Реальная готовность африканских государств принимать китайские капиталы, а с ними и технологии, и помощь нисколько не уменьшилась. Более того, в условиях мощного шока, которые испытали страны континента в результате пандемии COVID-19 и пришедшего вместе с ней глобального кризиса, любые иностранные инвестиции рассматриваются как благо и путь к спасению национальных экономик.

Новейшие тренды

Несмотря на постоянные заявления последнего десятилетия о безудержной экспансии китайского капитала на континенте, США и Франция остаются крупнейшими инвесторами в Африке в целом, а США и Великобритания – в англоязычных странах. Мы уже говорили выше о прочных исторических связях, часто основанных на языке и особенностях развития в колониальный период. По сей день Франция является ключевым инвестором во франкоговорящую Африку, в то время как Португалия и Бразилия инвестируют прежде всего в португалоговорящие Анголу и Мозамбик, хотя и не находятся там на позициях лидирующих инвесторов. Капитал США идет во все страны, но преимущественно в энергетический сектор и добычу полиметаллических руд, а потому, в первую очередь, в ресурсобогатые государства. Позиции английского капитала особенно сильны на юге и востоке Африки, хотя приток нового британского капитала в последние десятилетия отставал и от американского, и от французского, и, тем более, от китайского. Капитал ФРГ, Испании, Италии и Канады также активно осваивает африканский континент, но объемы инвестирования существенно скромнее. Из «новых» активных конкурентов западным странам следует также отметить Индию, Турцию, монархии Персидского залива. Российский частный капитал, за редкими единичными исключениями, делает в Африке только первые шаги.

После безвременья 1990-х гг. Россия невольно оказалась в числе «новых» игроков на африканском континенте. Открытые данные по инвестициям российского капитала отрывочны и не-

определены по времени. В международной финансовой статистике МВФ большинство показателей инвестиционной позиции РФ по странам Африки скрыты под литерой *C* – *Confidential* [IMF. Coordinated Direct Investment Survey 2020]. Оценки осложняются тем, что многие крупные российские корпорации инвестируют в Африку от лица своих зарубежных дочерних компаний или из офшорных финансовых центров. Такие ПИИ чаще всего не фиксируются статистикой как российские.

Тем не менее наиболее распространенная оценка накопленных российских инвестиций в Африку – 19,4 млрд долл. [Абрамова 2019]. В силу структуры нашего крупного бизнеса большая часть средств вложена в сырьевые отрасли: добычу цветных и редких металлов, алмазов, нефтегазовую отрасль. Однако в последнее время появились инвестиционные проекты в сельском хозяйстве, инфраструктуре и коммуникационных технологиях.

Табл. 1 дает представление о 10 ведущих странах – экспортерах капитала в Африку по объему ПИИ, количеству проектов и созданных новых рабочих мест для африканцев за последние 5 лет, по которым доступна достоверная статистика.

Приведенная таблица наглядно демонстрирует новые тренды в поведении иностранного капитала в Африке, обозначившиеся в рассматриваемое пятилетие³. Она позволяет доказательно оценить степень обособанности ряда распространенных в международной аналитике и политической риторике утверждений. Цифры свидетельствуют, что КНР лидировала по суммарному объему инвестиций в Африку за рассматриваемый период, но каждый из трех главных «империалистиче-

3 На момент сдачи статьи полная статистика за полный 2019 г. еще не опубликована.

ских хищников» XX в. – США, Франция, Англия – обгонял коммунистическую сверхдержаву по количеству реализуемых проектов. Данные таблицы убедительно показывают, что инвестиции тройки западных инвесторов-лидеров в расчете на один проект существенно меньше, чем у КНР. При этом один китайский инвестиционный проект создает в Африке как минимум вдвое большее число новых рабочих мест для местных жителей.

Эта особенность заставляет по-новому взглянуть на одну весьма распространенную претензию западной аналитики и пропаганды к экономической активности Пекина на африканском континенте. Как известно, компании КНР обвиняются в том, что на объекты китайско-африканского сотрудничества они завозят большие партии работников из Поднебесной и тем самым не способствуют решению проблемы занятости в стране – реципиенте инвестиций.

Справедливость этого обвинения не бесспорна. Для правильных выводов нужно иметь четкое представление о структуре потребностей в рабочей силе

объектов китайского инвестирования, а также о возможностях принимающей африканской экономики и уровне профессиональной подготовки местных кадров. Если нужных объекту кадров в стране нет, их приходится ввозить из-за рубежа. Традиционно должности таких специалистов в инвестиционных проектах США или государств ЕС занимали экспаты из стран Запада. Эта ситуация в европейской и американской литературе осуждения не вызывала. Логично, что китайские инвесторы предпочитают в аналогичной ситуации нанимать соотечественников.

Однако даже если согласиться с обвинениями в массовом завозе китайской рабочей силы, все равно оказывается, что Пекин создал в 2014–2018 гг. в Африке вдвое больше новых рабочих мест для африканцев, чем США, в 2,7 раза больше, чем Франция, и почти втрое больше, чем Великобритания на своих объектах.

Опытный экономист, исходя из сведений глобального консультационного агентства EY (бывшее «Эрнст энд Янг»), входящего в тройку мировых лидеров

Таблица 1. Десять ведущих экспортеров капитала в Африку в 2014–2018 гг.
Table 1. Top 10 capital exporters to Africa in 2014-2018

Страна	Количество проектов	Рабочие места*	Инвестиции, млн \$
США	463	62 004	30 855
Франция	329	57 970	34 172
Великобритания	286	40 949	17 768
КНР	259	137 028	72 235
ЮАР	199	21486	10 185
ОАЭ	189	39 479	25 278
ФРГ	180	31 562	6 887
Швейцария	143	13 363	6 432
Индия	134	30 334	5 403
Испания	119	13 837	4 389

* вновь созданные рабочие места без учета вакансий, занятых иностранными специалистами.

Источник: [EY 2019].

в своей области, без труда сделает подкрепленный статистикой вывод о том, что западные инвестиционные проекты в Африке более компактны и, несмотря на полагающийся антураж «социальной ответственности», в большей степени ориентированы на высокую экономическую эффективность и отдачу. В расчете на один проект они более «таргетированны» – менее капиталоемки, менее склонны создавать дополнительные (не вызываемые жесткими требованиями) «ненужные» рабочие места. В то же время их количественная множественность создает дополнительный политический элемент и дополнительные каналы возможного влияния, поскольку каждое из них порождает многочисленные цепочки разветвленных связей в среде местного чиновничества, элит и т. д. В большинстве случаев создаются предпосылки для «социально приемлемой» коррупции в виде открытия вакансий различных «консультантов» и создания системы стимулирования работы лоббистских групп.

Конечно, подобные возможности присутствуют и у конкурентов из других стран, но здесь, помимо социологии и социальной психологии, в силу вступает чистая математика: чем больше число проектов у страны-инвестора, тем более широкими и комплексными становятся ее сетевые связи в африканских обществах. В этом смысле больше «среднекрупных» проектов могут стать более эффективной стратегией для частного инвестора и его страны, чем упор на дорогостоящие мегапроекты. Распространение их влияния согласуется с закономерностями распределения Парето. Учитывая недав-

ние открытия А.-Л. Барабаши в области теории управления динамическими системами (*dynamic control theory*), касающиеся идентификации узлов контроля, в т. ч. в социальных системах [Barzel, Liu, Barabási 2015; Liu, Slotine, Barabási 2011], можно смело утверждать, что создаваемый западным капиталом тип сетевых связей и формирование в этих сетях контролируемых узлов управления более эффективен для распространения влияния и достижения конечных результатов охвата, чем китайская модель.

Эффективность инвестирования ПИИ (доход на вложенный капитал) в Африке исторически и по сей день остается выше среднемировых показателей (табл. 2). Однако в последние годы этот индикатор демонстрирует сильную волатильность. В целом же в предшествующие 5 лет (2015–2019 гг., включительно) установился плавный нисходящий тренд. В 2018 г. этот показатель упал до 6,5% (по сравнению с 11,9% в 2010 г.), и, таким образом, впервые с начала века оказался ниже среднемирового значения, которое в этот год равнялось 6,8% [UNCTAD 2019, p. 14]. По нашим расчетам⁴, сделанным на базе доступного, но чуть более ограниченного (в силу запоздания полной статистики), чем в официальных изданиях ЮНКТАД [UNCTAD 2019; UNCTAD 2020] числа страновых переменных, в 2019 г. он должен был остаться на том же уровне или снизиться по сравнению с предшествующим годом максимум на 0,1%, что, тем не менее, означало бы возврат к прежней «нормальности». Он превысил бы среднемировые величины на 0,2%, и на

4 Предварительная оценка на 2019 г. рассчитывалась автором по стандартной формуле ЮНКТАД, где годовая норма дохода на вложенный капитал инвестиций является частным от деления годового дохода от прямых иностранных инвестиций за год t на среднее значение сумм прямых иностранных инвестиций на конец года за годы t и $(t-1)$ по балансовой стоимости. Приводимая цифра рассчитана по поступившей на дату завершения статьи статистике по 17 африканским странам, на которые в сумме приходится 87% всех направляемых в Африку ПИИ (прим. авт.).

0,7 % – средний показатель по развитым экономикам (см. табл. 2).

Еще одна веха времени – активное вхождение в Африку капиталов развивающихся стран. В табл. 1 бросается в глаза, что за рассматриваемые 5 лет ОАЭ инвестировали в Африку почти в полтора раза больше средств, чем Великобритания. Но при этом следует иметь в виду, что Англия – один из старейших инвесторов на континенте, и расширение временного диапазона учета накопленных инвестиций вглубь во времени приводит к тому, что Британия обгоняет даже КНР.

Африканский союз (АС) в своих документах неоднократно акцентировал важность развития экономических отношений Юг – Юг и прежде всего меж-африканских связей. В программных документах АС инвестиционный аспект выделен, наряду с торговыми отношениями, в качестве одного из фундаментальных столпов интеграционных процессов на континенте. Ожидается, что из числа африканских стран ЮАР остается самым крупным инвестором в остальную часть континента (см. табл. 1). Отраслевая структура южноафриканских

ПИИ весьма многообразна: от сырьевых отраслей и сельского хозяйства до авто-сборки и ИКТ. Южноафриканские инвесторы успешно конкурируют в странах континента с западными информационно-коммуникационными гигантами, поставщиками мобильной связи и т. д. Юг и восток Африки – зоны преимущественной инвестиционной активности ЮАР, но в целом южноафриканские ПИИ географически рассеяны практически по всему континенту, включая арабский север региона.

Правда, по объемам ПИИ в страны североафриканского субрегиона лидируют Египет и Марокко, в то время как Кения и Нигерия остаются значимыми источниками ПИИ в страны Восточной и Западной Африки. В 2019 г. южноафриканские компании запустили с нуля 10 проектов в Нигерии на общую сумму 375 млн долл. В Кении наблюдался резкий рост притока южноафриканского капитала в течение 2018 г., когда в рамках шести проектов было привлечено 190 млн долл. С другой стороны, приток ПИИ из ЮАР в Гану и Мозамбик в 2018 г. замедлился, хотя исходная база сравнения в обоих случаях

Таблица 2. Средняя норма прибыли на входящие ПИИ по регионам мира и типам экономик в 2010–2019 гг., %

Table 2. Average rate of return on incoming FDI by world region and type of economy in 2010-2019, %

	2010	2011–2015	2016	2017	2018	2019
Мир в целом	8,0	7,6	6,8	7,0	6,7	6,2
Развитые экономики	6,4	6,2	5,9	5,9	6,0	5,7*
Развивающиеся экономики	11,0	9,9	8,2	8,1	7,8	–
Африка	11,9	10,2	5,0	6,0	6,5	6,4*
Латинская Америка и Карибский бассейн	9,7	7,2	5,4	6,2	6,2	–
Азия	11,4	10,9	9,6	9,0	8,5	–
Переходные экономики	12,1	13,0	10,2	11,6	12,4	–

* оценка.

Источник: рассчитано автором по [UNCTAD 2020; UNCTAD 2019; EY 2019; IMF 2020].

ныне относительно высока и сохранять высокие темпы прироста инвестиций с каждым годом все труднее [UNCTAD 2019; UNCTAD 2020].

Что касается географического распределения ПИИ, поступающих в Африку из всех стран мира, то здесь остальных опережают Египет, ЮАР и Марокко. Представление о 15 лидирующих странах континента по притоку ПИИ в 2014–2018 гг. дает табл. 3.

С точки зрения структуры отраслевого распределения ПИИ подавляющая часть накопленных иностранных инвестиций в Африке приходится на первичный сектор экономики, главным образом на отрасли горнодобычи. Однако ситуация последние несколько лет медленно меняется. Если брать инвестиции только в новые проекты «с нуля» (*green-field projects*), то в 2019 г. в сырьевые отрасли было направлено лишь 3,7% от

суммарной стоимости всех ПИИ. Больше половины новых инвестиций (53,7%) пошло в третичный сектор (в основном в строительство, инфраструктуру, транспорт, коммуникации и связь). Оставшиеся 42,6% инвестировались в обрабатывающие отрасли, среди которых лидировали нефте- и газопереработка, химическая и пищевая промышленности. В 2018 г. перечисленные показатели равнялись 35; 22,2 и 42,9% соответственно [UNCTAD 2020, р. 29].

Причины у такой новации комплексные. Глубинные связаны с изменением оценки перспектив (особенно средне- и долгосрочных) будущего развития сфер и отраслей, предъявляющих спрос на продукцию объектов возможного инвестирования в условиях глубокой трансформации мировой экономики. Речь идет об отчасти объективно обусловленном (рост значения

Таблица 3. 15 ведущих импортеров ПИИ в Африке в 2014–2018 гг.
Table 3. Top 15 importers of FDI in Africa in 2014-2018

Страна	Инвестиции, млрд \$	Количество проектов	Рабочие места, тыс. чел.
Египет	12	91	32
Алжир	9	18	10
Нигерия	8	65	10
Эфиопия	7	29	16
Зимбабве	6	18	6
ЮАР	5	110	12
Марокко	5	71	15
Кения	2	64	6
Кот-д'Ивуар	2	30	4
Мозамбик	2	15	1
Гана	1	30	7
Тунис	1	19	10
Танзания	1	19	3
Замбия	1	15	2
Уганда	<1	17	6

Источник: [EY 2019].

«невидимой экономики», цифровизации и т. п.), а отчасти вынужденном (угнетающе влияют экологическая политика, «зеленая экономика», «углеводородный налог» и т. п.) снижении интереса к перспективе новых крупных вложений в сырьевые проекты.

Непосредственные, текущие причины кроются в экономических тенденциях и проблемах основных потребителей африканского сырья: затянувшимся застоем в Западной Европе, частичной переориентации США на собственное производство некоторых его видов (углеводороды) и изменении уровня потребностей Пекина в африканском сырье из-за сужения возможностей сбыта в мире произведенной с его использованием китайской продукции (прежде всего вследствие санкционной и агрессивной торговой политики администрации США и вяло сопротивляющихся этой линии стран Запада).

Улучшение глобальной конъюнктуры и оздоровление международных отношений, оживление в мировой экономике могут изменить положение и на какие-то периоды вновь дать импульсы к инвестированию в новые сырьевые проекты в Африке. Однако, как представляется, это будет временным и не определяющим трендом. Общая тенденция к росту ПИИ в африканские сырьевые отрасли и увеличению удельного веса последних в общем объеме вложений будет со временем только углубляться.

Выводы и оценки

Истекшие 20 лет были периодом беспрецедентного экономического роста в Африке, сопровождавшегося усилением инвестиционной привлекательности континента. Африканские страны около 30 лет проводят политикуощрения притока ПИИ, что должно,

по замыслам руководства этих государств, способствовать устойчивому росту и диверсификации местных экономик. В определенной степени эти надежды оправдались. Кроме того, имеются определенные достижения в области диверсификации африканских экономик и модернизации производств, включая даже точечное создание (в ЮАР, Кении, Танзании) объектов и технологичных производств, соответствующих трендам 4-й промышленной революции.

Несмотря на сильно поменявшуюся в последнее десятилетие глобальную экономическую ситуацию, изменение протекания процесса глобализации и трансформацию прежних мировых хозяйственных связей, Африка по-прежнему рассматривается и МНК, и менее крупными инвесторами в качестве одного из наиболее перспективных для ПИИ регионов мира.

Три фундаментальных фактора по-прежнему лежат в основе таких оценок. Первый – ресурсная привлекательность региона. Второй – демографические тренды. К середине XXI в. население Африки достигнет 2–2,5 млрд человек. При сохранении в целом благоприятных тенденций экономического роста в африканских странах и улучшении качества местной рабочей силы это будет означать кратное увеличение в Африке экономически активного населения, а с ним – среднего класса и платежеспособного спроса. Для инвесторов это означает, что через 30 лет вектор мирового потребительского спроса будет значительно смещен в сторону Черного континента, что повлияет не только на количественные характеристики мирового потребления, но и на его структуру [Фитуни 2017, с. 11]. Третий фактор – геостратегическое значение многонаселенного континента, порождающее у многих мировых игроков стремление «привязать» к себе его

страны самыми различными средствами, среди которых экономические выглядят наиболее эффективными. Суммируя изложенное, можно прогнозировать, что при сохранении благоприятного сценария развития континента в ближайшие несколько десятилетий ИК будет устремляться не только в ресурсные отрасли, но и пытаться интенсивнее проникать на внутренние рынки африканских стран с целью извлечения прибыли из растущего производственного и потребительского спроса.

В то же время состав приведенного в статье списка африканских стран, лидирующих по объему поступающих ПИИ, показывает, что для МНК при инвестировании в регионе не менее весомыми детерминантами решений по новым ПИИ, чем макроэкономические показатели или потенциальная емкость внутреннего рынка страны инвестирования, являются политическая устойчивость и безопасность наряду с предсказуемой и стабильной нормативно-правовой средой. Вопросы конкретной ставки налогообложения и стоимость рабочей силы при прочих равных условиях оказываются в нынешних реалиях инвестиционной активности МНК в Африке менее приоритетными.

В то же время, если речь заходит об уникальных или стратегически важных природных ресурсах, препятствием для инвестиций МНК в Африку, как на протяжении более 60 лет свидетельствует яркий пример с добычей американцами кобальта в ДРК, не будет служить ни бесконечная политическая нестабильность, ни общая макроэкономическая обстановка, ни меняющееся налоговое законодательство. Эти вопросы МНК, как правило, решают путем создания в целевой стране собственных частных армий («охранных структур»), заключения официальных соглашений с властями о специальном статусе объектов ПИИ, налаживания «особых отноше-

ний» с чиновничеством и иными влиятельными лицами разного уровня, максимальной «анклавизации» своих объектов инвестирования.

Проведенный в статье анализ показывает, что, несмотря на некоторый рост конкуренции между иностранными инвесторами, африканские рынки приложения капитала все еще далеки от насыщения и достаточно свободны. Это позволяет капиталу разных стран, претендующему на расширение экономических позиций, в целом обходиться без острых столкновений с конкурентами.

Однако глобальное геостратегическое соперничество уже вносит негативные коррективы в относительно мирное сосуществование иностранных инвесторов в Африке и правовые рамки конкуренции между ними. Западные страны встали на путь тотального воспрепятствования возможностям экономического укрепления государств, назначенных ими на роль глобальных противников, прежде всего Китая и России, но также и некоторых так называемых средних держав: Ирана, Турции, в меньшей мере Саудовской Аравии и др. Главными инструментами такой борьбы становятся, наряду с общей дестабилизацией и созданием внешних угроз, еще и огульное введение экономических «санкций» и иных мер экономической агрессии, оправдываемых специально принимаемыми для этого национальными нормативными актами, которые, тем не менее, наделяются ими экстерриториальным действием.

Негативные сдвиги в глобальном инвестиционном климате, проистекающие из развязанной Западом тотальной санкционной и торговой войны, серьезно осложняют условия для развития стран Африки. Объективно они ведут к сужению возможностей привлечения иностранного капитала в их хозяйства и извлечения структурных

преимуществ из свободного использования ПИИ в своих интересах.

Несмотря на сохраняющиеся в целом оптимистичные долгосрочные прогнозы, сегодня Африка стоит перед лицом вызова пандемии и экономического кризиса 2020 г., которые дополняются побочными эффектами обострения глобальной конфронтации и волюнтаристских действий мировых игроков, игнорирующих международное право и произвольно меняющихся устойчивые правила международных экономических отношений. Перспективы общего улучшения ситуации, как представляется, в сложившихся обстоятельствах лежат за границами непосредственного влияния и возможностей национальных правительств самих африканских стран и их усилий по созданию правовых и экономических условий на внутренних рынках приложения капитала.

Список литературы

- Абрамова И. (2019) Африканский сюжет // Российская газета. 3 декабря 2019 // <https://rg.ru/2019/12/03/pochemu-rossiia-cherez-tridcat-let-vozvrashchaetsia-v-afriku.html>, дата обращения 17.11.2020.
- Абрамова И., Фитуни Л. (2019) Новая стратегия России на африканском направлении // *Мировая экономика и международные отношения*. № 12. С. 90–100. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100
- Андреасян Р.Н. (1967) *Экономическая независимость и иностранный капитал*. М.: Знание.
- Гурова И.П. (2019) Факторы прямых иностранных инвестиций в России: эмпирическое исследование // *Экономическая политика*. № 6. С. 36–61. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-6-36-61
- Копыток В.К., Ратникова Т.А. (2017) Влияние политики инфляционного таргетирования на динамику прямых иностранных инвестиций // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. № 1. С. 32–65 // <https://ej.hse.ru/2017-21-1/204556959.html>, дата обращения 17.11.2020.
- Кузнецов А.В., Квашнин Ю.Д. (2014) Количественный анализ взаимных прямых инвестиций стран СНГ и Грузии // *Евразийская экономическая интеграция*. № 1. С. 32–42 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennyy-analiz-vzaimnyh-pryamyh-investitsiy-stran-sng-i-gruzii>, дата обращения 17.11.2020.
- Макарова Е.В. (2007) Иностранные инвестиции и их стимулирование в России и за рубежом // *Вестник экономики, права и социологии*. № 3. С. 22–25 // <https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannye-investitsii-i-ih-stimulirovanie-v-rossii-i-za-rubezhom-1/pdf>, дата обращения 17.11.2020.
- Маматкулов И.А. (2019) Влияние прямых иностранных инвестиций на экономический рост в развивающихся странах и странах с переходной экономикой: важность порогового уровня поглощающей способности страны // *Региональные проблемы преобразования экономики*. № 9(107). С. 13–18. DOI: 10.26726/1812-7096-2019-9-13-18
- Ольсевич Ю.Я. (1991) *Рекомендации МВФ: вариант для СССР?* М.: Знание.
- ОЭСР (2008). *Эталонное определение ОЭСР для иностранных прямых инвестиций*. 4-е издание // <https://www.oecd.org/daf/inv/investmentstatisticsandanalysis/46229224.pdf>, дата обращения 17.11.2020.
- Рощин Г.Е., Калинина Л.П., Позднякова А.П. (1999) Некоторые аспекты экономической либерализации в Африке // *Ученые записки Института Африки РАН*. № 10. С. 5–91.
- Фейгин Г.Ф. (2009) Прямые иностранные инвестиции: значение для развития экономики России // *Экономика и управление*. № 1(39). С. 28–32 // <https://cyberleninka.ru/article/n/prya>

мье-inostrannye-investitsii-znachenie-dlya-razvitiya-ekonomiki-rossii, дата обращения 17.11.2020.

Фитуни Л.Л. (2017) Предиктивный анализ роли демографического дивиденда в преодолении структурных дисбалансов социально-экономического развития Африки (2015–2060 гг.) // Ученые записки Института Африки РАН. № 2(39). С. 3–15.

Фитуни Л.Л. (2019) На пути к новой bipolarности: геэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 3. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

Хорбенко Н.Г. (1979) Иностраннный капитал и национальная стратегия экономического развития стран Африки. Дисс. к.э.н. М.: Ин-т Африки АН СССР.

Шмелев Н., Попов В. (1989) На переломе: экономическая перестройка в СССР. М.: АПН.

Шмелев Н.П. (1962) Идеологи империализма и проблемы слаборазвитых стран. М.: Соцэкгиз.

Шпирт А.Ю. (1966) Экспансия иностранного государственно-монополистического капитала в Африке. М.: Наука.

Barzel B., Liu Y.-Y., Barabási A.-L. (2015) Constructing Minimal Models for Complex System Dynamics // Nature Communications, no 6, 7186. DOI: 10.1038/ncomms8186

Blomström M., Lipsey R.E., Zejan M. (1994) What Explains Developing Country Growth // NBER Working Paper. No 4132 // <https://www.nber.org/papers/w4132.pdf>, дата обращения 17.11.2020.

Brooks S., Kurtz M. (2007) Capital, Trade, and the Political Economies of Reform // American Journal of Political Science, vol. 51, no 4, pp. 703–720. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2007.00276.x

Busse M., Groizard J.L. (2005) FDI, Regulations and Growth. DOI: 10.1596/1813-9450-3882

Carkovic M., Levine R. (2005) Does Foreign Direct Investment Accelerate Economic Growth? // Does Foreign Direct Investment Promote Development? Washington, DC: IIE, pp. 195–220.

EY (2019). Attractiveness Program Africa, September 2019 // https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/attractiveness/ey-africa-attractiveness-report-2019.pdf, дата обращения 17.11.2020.

Hansen H., Rand J. (2006) On the Causal Links Between FDI and Growth in Developing Countries // The World Economy, Wiley. DOI: 10.1111/j.1467-9701.2006.00756.x

Hanson G. (2001) Should Countries Promote Foreign Direct Investment? // UNCTAD: G-24 Discussion Paper Series. No 9 // <https://core.ac.uk/download/pdf/7043195.pdf>, дата обращения 17.11.2020.

IMF. Coordinated Direct Investment Survey (2020) // <https://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5&skId=1410469360660>, дата обращения 17.11.2020.

IMF (2020). Sakai Ando and Mengxue Wang. Do FDI Firms Employ More Workers than Domestic Firms for Each Dollar of Assets? IMF Working Paper. WP/20/56 // <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WP/2020/English/wpiea2020056-print-pdf.ashx>, дата обращения 17.11.2020.

Lancaster C., Van de Walle N. (eds.) (2018) The Oxford Handbook of the Politics of Development, New York: OUP.

Lensink R., Morrissey O. (2006) Foreign Direct Investment: Flows, Volatility, and the Impact on Growth // Review of International Economics, vol. 14, no 3, pp. 478–493. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2006.00632.x

Liu Y.-Y., Slotine J.-J., Barabási A.-L. (2011) Controllability of Complex Networks // Nature, no 473, pp. 167–173. DOI: 10.1038/nature10011

Mukherjee B., Singer D. (2010) International Institutions and Domestic Compen-

sation: The IMF and the Politics of Capital Account Liberalization // *American Journal of Political Science*, vol. 54, no 1, pp. 45–60. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2009.00417.x

Nyatepe-Coo A. (1998) Foreign Direct Investment and Economic Growth in Selected LDCs, 1963–1992 // *Handbook on the Globalization of the World Economy* (ed. Levy A.), Boston: Edward Elgar Publishing Inc., pp. 87–100.

Quinn D., Toyoda M. (2007) Ideology and Voter Preferences as Determinants of Financial Globalization // *American Journal of Political Science*, vol. 51, no 2, p. 344–363. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2007.00255.x

Soumaré I., Gohou G., Kouadio H., Nkurunziza J.D. (2019) *Foreign Direct Investment and Economic Development in Africa*, Cambridge Scholars Publishing.

UNCTAD (2019). *World Investment Report 2019 – Special Economic Zones* Geneva // https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf, дата обращения 17.11.2020.

UNCTAD (2020). *World Investment Report 2020 – International Production beyond the Pandemic* // https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf, дата обращения 17.11.2020.

Wamboye E., Tiruneh E.A. (eds.) (2017) *Foreign Capital Flows and Eco-*

nomic Development in Africa: The Impact of BRICS versus OECD, Palgrave Macmillan-US.

World Bank (2014). *Making Foreign Direct Investment Work for Sub-Saharan Africa: Local Spillovers and Competitiveness in Global Value Chains. Directions in Development* (eds. Farole T., Winkler D.), Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-0126-6

World Bank (2019). *Retention and Expansion of Foreign Direct Investment: Political Risk and Policy Responses*. World Bank, Washington, DC // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33082>, дата обращения 17.11.2020.

World Bank (1) (2020). *International Debt Statistics 2020*. The World Bank Group // <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32382/9781464814617.pdf>, дата обращения 17.11.2020.

World Bank (2) (2020). *Global Investment Competitiveness Report 2019/2020: Rebuilding Investor Confidence in Times of Uncertainty*, Washington, DC: World Bank Group. DOI: 10.1596/978-1-4648-1536-2

World Bank (2021). *International Debt Statistics 2021*, Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1610-9

From the Point of Economics

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1

Foreign Capital in Africa: Theories, Strategies and Novations

Leonid L. FITUNI

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Economics, Professor, Director, Centre for Strategic & Global Studies, Vice-Director Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, 125001, Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation
E-mail: africa.institute@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5416-6709

CITATION: Fituni L.L. (2020) Foreign Capital in Africa: Theories, Strategies and Novations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 6, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1

Received: 09.10.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared for the scientific project no 19-014-00019 that is referred to as "Sanctions and regulatory targeting of national elites as a tool of global governance and international competition" and supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR)

ABSTRACT. *Historically, foreign capital has played a significantly larger role in the functioning of African economies than in other large developing regions. The past 20 years have been a period of rapid economic growth in Africa, accompanied by a dynamic growth in the continent's investment attractiveness.*

The purpose of the article is to provide a political and economic analysis and assessment of the impact of foreign capital on the development of African countries, primarily from the point of view of achieving a difficult balance in their state policy between the interests of overcoming backwardness and ensuring economic growth, on the one hand, and overcoming the rudiments of economic dependence that have persisted since colonial times, on the other. The main attention is paid to the current stage of competition between American, Chinese and European capital in Africa

For about thirty years, African countries have been pursuing a policy of encouraging the inflow of private direct investment, which, according to the leadership of these states, should contribute to sustainable growth and diversification of local economies. To a certain extent, these hopes were justified. Average annual GDP growth rates of the continent's countries in the 21st century turned out to be the highest over long time periods for the entire period of independent development. In addition, there are certain achievements in the field of diversification of African economies and modernization of production facilities, including even the creation of separate facilities and technological production facilities (in South Africa, Kenya, Tanzania). that meet the requirements of the 4th industrial revolution.

The negative shifts in the global investment climate stemming from the total sanc-

tions and trade war unleashed by the West seriously complicate the conditions for the development of African countries. Objectively, they lead to a narrowing of the possibilities for attracting foreign capital to their economies and deriving structural advantages from the free use of FDI in their own interests.

Prospects for improving the situation, it seems, for African countries today depend more on the possibilities of improving the global situation than on the efforts of national governments to create legal and economic conditions in the domestic capital markets. Otherwise, the decisive factors determining the volume and direction of the inflow of foreign capital to Africa will increasingly be the geopolitical decisions of large external players.

The author concludes that at the same time, it is likely that in the medium-and long-term perspective, African countries will not only remain attractive but uneasy market for foreign capital to operate, but will gradually bypass many of the modern investment priority countries and regions in Europe, Asia and Latin America in terms of attractiveness.

KEY WORDS: FDI, profitability of investment, spillovers, development strategies, geopolitics, sanctions, investment regulation

References

- Abramova I. (2019) African Story. *Rossiyskaya Gazeta*, December 3, 2019. Available at: <https://rg.ru/2019/12/03/pochemu-rossiia-cherez-tridcat-let-vozvrashchaetsia-v-afriku.html>, accessed 17.11.2020 (in Russian).
- Abramova I., Fituni L. (2019) Russia's New Strategy in the African Direction. *World Economy and International Relations*, no 12, pp. 90–100 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100
- Andreasyan R.N. (1967) *Economic Independence and Foreign Capital*, Moscow: Znaniye (in Russian).
- Barzel B., Liu Y.-Y., Barabási A.-L. (2015) Constructing Minimal Models for Complex System Dynamics. *Nature Communications*, no 6, 7186. DOI: 10.1038/ncomms8186
- Blomström M., Lipsey R.E., Zejan M. (1994) What Explains Developing Country Growth. *NBER Working Paper*. No 4132. Available at: <https://www.nber.org/papers/w4132.pdf>, accessed 17.11.2020.
- Brooks S., Kurtz M. (2007) Capital, Trade, and the Political Economies of Reform. *American Journal of Political Science*, vol. 51, no 4, pp. 703–720. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2007.00276.x
- Busse M., Groizard J.L. (2005) *FDI, Regulations and Growth*. DOI: 10.1596/1813-9450-3882
- Carkovic M., Levine R. (2005) Does Foreign Direct Investment Accelerate Economic Growth? *Does Foreign Direct Investment Promote Development?* Washington, DC: IIE, pp. 195–220.
- EY (2019). Attractiveness Program Africa, September 2019. Available at: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/attractiveness/ey-africa-attractiveness-report-2019.pdf, accessed 17.11.2020.
- Feigin G.F. (2009) Foreign Direct Investment: Significance for the Development of the Russian Economy. *Economics and Management*, no 1(39), pp. 28–32. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pryamyie-inostrannye-investitsii-znachenie-dlya-razvitiya-ekonomiki-rossii>, accessed 17.11.2020 (in Russian).
- Fituni L.L. (2017) A Predictive Analysis of the Role of the Demographic Dividend in Overcoming Structural Imbalances of the Socio-Economic Development in Africa (2015–2060). *Journal of the Institute for African Studies*, no 2(39), pp. 3–15 (in Russian).
- Fituni L.L. (2019) Towards a Neobipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Special Issue, pp. 16–33. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

- Gurova I.P. (2019) Determinants of Foreign Direct Investment in Russia: Empirical Study. *Economic Policy*, no 6, pp. 36–61 (in Russian). DOI: 10.18288/1994-5124-2019-6-36-61
- Hansen H., Rand J. (2006) On the Causal Links Between FDI and Growth in Developing Countries. *The World Economy*, Wiley. DOI: 10.1111/j.1467-9701.2006.00756.x
- Hanson G. (2001) Should Countries Promote Foreign Direct Investment? *UNCTAD: G-24 Discussion Paper Series*. No 9. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/7043195.pdf>, accessed 17.11.2020.
- Horbenko N.G. (1979) *Foreign Capital and National Economic Development Strategy of African Countries*. Diss. Ph.D, Moscow: Institute for African Studies. Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- IMF. *Coordinated Direct Investment Survey* (2020). Available at: <https://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5&slId=1410469360660>, accessed 17.11.2020.
- IMF (2020). Sakai Ando and Mengxue Wang. Do FDI Firms Employ More Workers than Domestic Firms for Each Dollar of Assets? IMF Working Paper. WP/20/56. Available at: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WP/2020/English/wpia2020056-print-pdf.ashx>, accessed 17.11.2020.
- Kopytok V.K., Ratnikova T.A. (2017) Influence of Inflation Targeting Policy on the Dynamics of Foreign Direct Investment. *Economic Journal of the Higher School of Economics*, no 1, pp. 32–65. Available at: <https://ej.hse.ru/2017-21-1/204556959.html>, accessed 17.11.2020 (in Russian).
- Kuznetsov A.V., Kvashnin Yu. (2014) Quantitative Analysis of Mutual Direct Investments of the CIS Countries and Georgia. *Eurasian Economic Integration*, no 1, pp. 32–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennyy-analiz-vzaimnyh-pryamyyh-investitsiy-stran-sng-i-gruzii>, accessed 17.11.2020 (in Russian).
- Lancaster C., Van de Walle N. (eds.) (2018) *The Oxford Handbook of the Politics of Development*, New York: OUP.
- Lensink R., Morrissey O. (2006) Foreign Direct Investment: Flows, Volatility, and the Impact on Growth. *Review of International Economics*, vol. 14, no 3, pp. 478–493. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2006.00632.x
- Liu Y.-Y., Slotine J.-J., Barabási A.-L. (2011) Controllability of Complex Networks. *Nature*, no 473, pp. 167–173. DOI: 10.1038/nature10011
- Makarova E.V. (2007) Foreign Investments and Their Stimulation in Russia and Abroad. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no 3, pp. 22–25. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannye-investitsii-i-ih-stimulirovaniye-v-rossii-i-za-rubezhom-1/pdf>, accessed 17.11.2020 (in Russian).
- Mamatkulov I.A. (2019) The Impact of Foreign Direct Investment on Economic Growth in Developing Countries and Countries with Economies in Transition: The Importance of the Threshold Level of Absorptive Capacity of the Country. *Regional Problems of Economic Transformation*, no 9(107), pp. 13–18 (in Russian). DOI: 10.26726/1812-7096-2019-9-13-18
- Mukherjee B., Singer D. (2010) International Institutions and Domestic Compensation: The IMF and the Politics of Capital Account Liberalization. *American Journal of Political Science*, vol. 54, no 1, pp. 45–60. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2009.00417.x
- Nyatepe-Coo A. (1998) Foreign Direct Investment and Economic Growth in Selected LDCs, 1963–1992. *Handbook on the Globalization of the World Economy* (ed. Levy A.), Boston: Edward Elgar Publishing Inc., pp. 87–100.
- OECD (2008). Benchmark Definition of Foreign Direct Investment – 4th Edition. Available at: <https://www.oecd.org/daf/inv/investmentstatisticsandanaly>

sis/40193734.pdf, accessed 17.11.2020 (in Russian).

Olsevich Yu.Ya. (1991) *IMF Recommendations: An Option for the USSR?* Moscow: Znanie (in Russian).

Quinn D., Toyoda M. (2007) Ideology and Voter Preferences as Determinants of Financial Globalization. *American Journal of Political Science*, vol. 51, no 2, p. 344–363. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2007.00255.x

Roshchin G.E., Kalinina L.P., Pozdnyakova A.P. (1999) Aspects of Economic Liberalization in Africa. *Journal of the Institute for African Studies*, no 10, pp. 5–91 (in Russian).

Shmelev N., Popov V. (1989) *At the Turning Point: Economic Restructuring in the USSR*, Moscow: APN (in Russian).

Shmelev N.P. (1962) *Ideologues of Imperialism and the Problems of Underdeveloped Countries*, Moscow: Sotsekgiz (in Russian).

Shpirt A.Yu. (1966) *Expansion of Foreign State-monopoly Capital in Africa*, Moscow: Nauka (in Russian).

Soumaré I., Gohou G., Kouadio H., Nkurunziza J.D. (2019) *Foreign Direct Investment and Economic Development in Africa*, Cambridge Scholars Publishing.

UNCTAD (2019). World Investment Report 2019 – Special Economic Zones Geneva. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf, accessed 17.11.2020.

UNCTAD (2020). World Investment Report 2020 – International Produc-

tion beyond the Pandemic. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf, accessed 17.11.2020.

Wamboye E., Tiruneh E.A. (eds.) (2017) *Foreign Capital Flows and Economic Development in Africa: The Impact of BRICS versus OECD*, Palgrave Macmillan-US.

World Bank (2014). Making Foreign Direct Investment Work for Sub-Saharan Africa: Local Spillovers and Competitiveness in Global Value Chains. *Directions in Development* (eds. Farole T., Winkler D.), Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-0126-6

World Bank (2019). Retention and Expansion of Foreign Direct Investment: Political Risk and Policy Responses. World Bank, Washington, DC. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33082>, accessed 17.11.2020.

World Bank (1) (2020). International Debt Statistics 2020. The World Bank Group. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32382/9781464814617.pdf>, accessed 17.11.2020.

World Bank (2) (2020). Global Investment Competitiveness Report 2019/2020: Rebuilding Investor Confidence in Times of Uncertainty, Washington, DC: World Bank Group. DOI: 10.1596/978-1-4648-1536-2

World Bank (2021). International Debt Statistics 2021, Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1610-9